

В. А. ЖУКОВСКИЙ
К. Н. БАТЮШКОВ
Д. В. ДАВЫДОВ
Н. И. ГНЕДИЧ
Ф. Н. ГЛИНКА
П. А. КАТЕНИН
П. А. ВЯЗЕМСКИЙ
А. С. ГРИБОЕДОВ
К. Ф. РЫЛЕЕВ
В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР
А. А. ДЕЛЬВИГ
А. С. ПУШКИН
И. И. КОЗЛОВ
В. И. ТУМАНСКИЙ
Е. А. БАРАТЫНСКИЙ
А. И. ОДОЕВСКИЙ
Н. М. ЯЗЫКОВ
А. С. ХОМЯКОВ
В. Г. ТЕПЛЯКОВ
Д. В. ВЕНЕВИТИНОВ
С. П. ШЕВЫРЕВ
А. И. ПОДОЛИНСКИЙ

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-8115-8

9 786171 281158

ЛИРИКА ЗОЛОТОГО ВЕКА

ЛИРИКА ЗОЛОТОГО ВЕКА

Верь тому, что сердце скажет

Стихи

УДК 821.161.1
Л62

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки Алексей Безруков

ISBN 978-617-12-8115-8

- © DepositPhotos.com / imagepluss, AndreYanush, обложка, 2020
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2020
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

В. А. ЖУКОВСКИЙ

(1783—1852)

ЧЕЛОВЕК

A Worm, a God!

Yong¹

«Ничтожный человек! что жизнь твоя? — Мгновенье.
Взглянул на днёвный луч — и нет тебя, пропал!
Из тьмы небытия злой рок тебя призвал
На то лишь, чтоб предать в добычу разрушенья;
Как быстра тень, мелькаешь ты!

Игралище судьбы, волнуемый страстями,
Как ярим вихрем лист, — ужасный жребий твой
Бороться с горестью, болезнями и собой!
Несчастный, поглощен могучими волнами,
Ты страшну смерть находишь в них.

В бессилии своем, пристанища лишенный,
Гоним со всех сторон, ты странник на земли!
Что твой парящий ум? что замыслы твои?
Дыханье ветерка, — и где ты, прах надменный?
Где жизни твоя следы?

Ты дерзкой мыслию за небеса стремишься! —
Сей низложенный кедр соперник был громам;
Но он разбит, в пыли, добыча он червям.
Где мощь корней его?.. Престань, безумец, лститься;
Тебе ли гордым, сильным быть?

¹ Червь, бог! (Юнг). (англ.)

Ты ныне, обольщен надеждой, жидешь стены, —
 Завтра же они, рассыпавшись, падут;
 И персти твоя под ними не найдут...
 Сын разрушения! мечта протекшей тени!
 И настоящий миг не твой.

Ты веселишь себя надеждой наслаждений:
 Их нет! их нет! Сей мир вертеп страданий, слез;
 Ты с жизнью в него блаженства не принес;
 Терзайся, рвись и будь игрою заблуждений,
 Влачи до гроба цепи зол!

Так — в гробе лишь твое спокойство и отрада;
 Могила — тихий сон; а жизнь — с бедами брань¹;
 Судьба — невидимый, бесчувственный тиран,
 Необоримая ко счастью преграда!
 Ничтожность страшный твой удел!

Чего ж искать тебе в сей пропасти мучений?
 Скорей, скорей в ничто! Ты небом позабыт,
 Один перун его лишь над тобой гремит;
 Его проклятием навеки отягченный,
 Твое убежище лишь смерть!»

Так в гордости своей, слепой, неправосудной,
 Безумец восстает на небо и на рок.
 Всемощный! гнев твой спит!..

Сотри кичливый рог,
 Воздвигнись, облечен во славе неприступной,
 Грянь, грянь! — и дерзкий станет пыль.

Или не знаешь ты, мечтатель напыщенный!
 Что неприметный червь, сокрывшийся во прах,
 И дерзостный орел, парящий в небесах,

¹ Юнг. (Примеч. Жуковского.)

Превыше черных туч и молний вознесенный,
Пред взором Вечного ничто?..¹

Тебе ли обвинять премудрость провиденья?
Иль таинства его открыты пред тобой?
Или в делах его ты избран судьей?
Иль знаешь ты вещей конец, определенье
И взором будущность проник?

В страданиях своих ты небо укоряешь —
Творец твой не тиран: ты страждешь от себя;
Он благ: для счастья он в мир призвал тебя;
Из чаши радостей ты горсть выпиваешь:
Ужели рок виновен в том?

Безумец, пробудись! воззри на мир пространный!
Все дышит счастьем, все славит жребий свой;
Всему начертан круг Предвечного рукой, —
Ужели ты один, природы царь избранный,
Краса всего, судьбой забвен?

Познай себя, познай! Коль в дерзком ослепленье
Захочешь ты себя за край миров вознесть,
Сравниться со Творцом — ты неприметна персть!
Но ты велик собой; сей мир твоё владенье,
Ты духом тварей властелин!

Тебе послушно все — ты смелою рукою
На бурный океан оковы наложил,
Пронзил утесов грудь, перуны потушил;
Подоблачны скалы валятся пред тобою;
Твое веление — закон!

Все бедствия твои — мечты воображенья;
Оружия на них судьбой тебе даны!

¹ Вольтер. (Примеч. Жуковского.)

Воздвигнись в крепости — и все побеждены!
 Великим, мудрым быть — твое определенье;
 А ты ничтожны слезы льешь!

Сей дерзостный утес, гранитными плечами
 Подперши небеса, и вихрям и громам
 Смеется, и один противится векам,
 У ног его клубит ревущими волнами
 Угрюмый, грозный океан.

Орел, ужаленный змеею раздраженной,
 Терзает, рвет ее в своих крутых когтях
 И, члены разметав, со пламенем в очах,
 Расширивши крыла, весь кровью обагранный,
 Парит с победой к небесам!¹

Мужайся! — и попрешь противников стопою;
 Твой рай и ад в тебе!.. Брань, брань твоим страстям! —
 Перед тобой отверст бессмертья вечный храм;
 Ты смерти сломишь серп могучею рукою, —
 Могила — к вечной жизни путь!

1801

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ

ЭЛЕГИЯ

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
 Шумящие стада толпятся над рекой;
 Усталый селянин медлительной стопою
 Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.

В туманном сумраке окрестность исчезает...
 Повсюду тишина; повсюду мертвый сон;
 Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает,
 Лишь слышится вдали рогов унылый звон.

¹ Цицерон. (Примеч. Жуковского.)

Лишь дикая сова, таясь под древним сводом
Той башни, сетует, внимаема луной,
На возмутившего полуночным приходом
Ее безмолвного владычества покой.

Под кровом черных сосн и вязов наклоненных,
Которые окрест, развесившись, стоят,
Здесь праотцы села, в гробах уединенных
Навеки затворясь, сном непробудным спят.

Денницы тихий глас, дня юного дыханье,
Ни крики петуха, ни звучный гул рогов,
Ни ранней ласточки на кровле щебетанье —
Ничто не вызовет почивших из гробов.

На дымном очаге трескучий огонь, сверкая,
Их в зимни вечера не будет веселить,
И дети резвые, встречать их выбегая,
Не будут с жадностью лобзаний их ловить.

Как часто их серпы златую ниву жали,
И плуг их побеждал упорные поля!
Как часто их секир дубравы трепетали,
И потом их лица кропила земля!

Пуškai рабы сует их жребий унижают,
Смеясь в слепоте полезным их трудам,
Пуškai с холодностью презрения внимают
Таящимся во тьме убогого делам;

На всех ярится смерть — царя, любимца славы,
Всех ищет грозная... и некогда найдет;
Всемощныя судьбы незыблемы уставы;
И путь величия ко гробу нас ведет!

А вы, наперсники фортуны ослепленны,
Напрасно спящих здесь спешите презирать,

За то, что гробы их непышны и забвенны,
Что лесть им алтарей не мыслит воздвигать.

Вотще над мертвыми, истлевшими костями
Трофеи зиждутся, надгробия блестят;
Вотще глас почестей гремит перед гробами —
Угасший пепел наш они не воспалят.

Ужель смягчится смерть сплетаемой хвалою
И невозвратную добычу возвратит?
Не слаще мертвых сон под мраморной доскою;
Надменный мавзолей лишь персть их бременит.

Ах, может быть, под сей могилую таится
Прах сердца нежного, умевшего любить,
И гробожитель-червь в сухой главе гнездится,
Рожденной быть в венце иль мыслями парить!

Но просвещения храм, воздвигнутый веками,
Угрюмою судьбой для них был затворен,
Их рок обременил убожества цепями,
Их гений строгою нуждою умерщвлен.

Как часто редкий перл, волнами сокровенный,
В бездонной пропасти сияет красотой;
Как часто лилия цветет уединенно,
В пустынном воздухе теряя запах свой.

Быть может, пылью сей покрыт Гампден надменный,
Защитник сограждан, тиранства смелый враг;
Иль кровию граждан Кромвель необагранный,
Или Мильтон немой, без славы скрытый в прах.

Отечество хранить державною рукою,
Сражаться с бурей бед, фортуны презирать,
Дары обилия на смертных лить рекою,
В слезах признательных дела свои читать —

Того им не дал рок; но вместе преступленьям
Он с доблестями их круг тесный положил;
Бежать стезей убийств ко славе, наслажденьям
И быть жестокими к страдальцам запретил;

Таить в душе своей глас совести и чести,
Румянец робкия стыдливости терять
И, раболепствуя, на жертвенниках лести
Дары небесных муз гордыне посвящать.

Скрываясь от мирских погибельных смятений,
Без страха и надежд, в долине жизни сей,
Не зная горести, не зная наслаждений,
Они беспечно шли тропинкою своей.

И здесь спокойно спят под сенью гробовою —
И скромный памятник, в приюте сосн густых,
С непышной надписью и рѣзьбою простою,
Прохожего зовет вздохнуть над прахом их.

Любовь на камне сем их память сохранила,
Их лета, имена потщившись начертать;
Окрест библейскую мораль изобразила,
По коей мы должны учить умирать.

И кто с сей жизнью без горя расставался?
Кто прах свой по себе забвенью предавал?
Кто в час последний свой сим миром не пленялся
И взора томного назад не обращал?

Ах, нежная душа, природу покидая,
Надеется друзьям оставить пламень свой;
И взоры тусклые, навеки угасая,
Еще стремятся к ним с последнею слезой;

Их сердце милый глас в могиле нашей слышит;
Наш камень гробовой для них одушевлен;

Для них наш мертвый прах в холодной урне дышит,
Еще огнем любви для них воспламенен.

А ты, почивший друг, певец уединенный,
И твой ударит час, последний, роковой;
И к гробу твоему, мечтой сопровождаемый,
Чувствительный придет услышать жребий твой.

Быть может, селянин с почтенной сединою
Так будет о тебе пришельцу говорить:
«Он часто по утрам встречался здесь со мною,
Когда спешил на холм зарю предупредить.

Там в полдень он сидел под дремлющею ивой,
Поднявшей из земли косматый корень свой;
Там часто, в горести беспечной, молчаливой,
Лежал, задумавшись, над светлою рекой;

Нередко к вечеру, скитаясь меж кустами —
Когда мы с поля шли, и в роще соловей
Свистал вечерню песнь, — он томными глазами
Уныло следовал за тихою зарей.

Прискорбный, сумрачный, с главою наклоненной,
Он часто уходил в дубраву слезы лить,
Как странник, родины, друзей, всего лишенный,
Которому ничем души не усладить.

Взошла заря — но он с зарею не являлся,
Ни к иве, ни на холм, ни в лес не приходил;
Опять заря взошла — нигде он не встречался;
Мой взор его искал — искал — не находил.

Наутро пение мы слышим гробовое...
Несчастливого несут в могилу положить.
Приблизься, прочитай надгробие простое,
Чтоб память доброго слезой благословить».

Здесь пепел юноши безвременно сокрыли;
 Что слава, счастье, не знал он в мире сем;
 Но музы от него лица не отвратили,
 И меланхолии печать была на нем.

Он кроток сердцем был, чувствителен душою —
 Чувствительным творец награду положил.
 Дарил несчастных он чем только мог — слезою;
 В награду от творца он друга получил.

Прохожий, помолись над этою могилой;
 Он в ней нашел приют от всех земных тревог;
 Здесь все оставил он, что в нем греховно было,
 С надеждою, что жив его спаситель — Бог.

1802

МИЛОСЕРДИЕ

«Перун мой изостри, — сказал Юпитер Мщенью, —
 Устал я миловать! погибель преступленью!»
 Но Милосердие, услышав приговор,
 Украдкой острие перуна притупляет.
 С тех пор
 Он только лишь страшит, но редко поражает.

1805

ОПУСТЕВШАЯ ДЕРЕВНЯ

О родина моя, Обурн благословенный!
 Страна, где селянин, трудами утомленный,
 Свой тягостный удел обильем усладил,
 Где ранний луч весны приятнее блистал,
 Где лето медлило разлукою с полями!
 Дубравы тихие с тенистыми главами!
 О сени счастья, друзья весны моей, —
 Ужель не возвращу блаженства оных дней,
 Волшебных, райских дней, когда, судьбой забвенный,

Я миром почитал сей край уединенный!
О сладостный Обурн! как здесь я счастлив был!
Какие прелести во всем я находил!
Как все казалось мне всегда во цвете новом!
Рыбачья хижина с соломенным покровом,
Крылатых мельниц ряд, в кустарнике ручей;
Густой, согбенный дуб с дерновою скамьей,
Любимый старцами, любовникам знакомый;
И церковь на холме, и скромны сельски дома —
Все мой пленяло взор, все дух питало мой!
Когда ж, в досужный час, шумящею толпой
Все жители села под древний вяз стекались,
Какие тьмы утех очам моим являлись!
Веселый хоровод, звучащая свирель,
Сраженья, спорный бег, стрельба в далеку цель,
Проворства чудеса и силы испытанье,
Всеобщий крик и плеск победы в воздаянье,
Отважные скачки, искусство плясунов,
Свобода, резвость, смех, хор песней, гул рогов,
Красавиц робкий вид и тайное волненье,
Старушек бдительных угрюмость, подозренье,
И шутки юношей над бедным пастухом,
Который, весь в пыли, с уродливым лицом,
Стоя в кругу, смешил своею простотою,
И живость стариков за чашей круговую —
Вот прежние твои утехи, мирный край!
Но где они? Где вы, луга, цветущий рай?
Где игры поселян, весельем оживленных?
Где пышность и краса полей одушевленных?
Где счастье? Где любовь? Исчезло все — их нет!..

О родина моя, о сладость прежних лет!
О нивы, о поля, добычи запустенья!
О виды скорбные развалин, разрушенья!
В пустыню обращен природы пышный сад!
На тучных пажитях не вижу резвых стад!
Унылость на холмах! В окрестности молчанье!

Потока быстрый бег, прозрачность и сверканье
Исчезли в густоте болотных диких трав!
Ни тропки, ни следа под сенями дубрав!
Все тихо! все мертво! замолкли песней клики!
Лишь цапли в пустыре пронзительные крики,
Лишь чибиса в глуши печальный, редкий стон,
Лишь тихий вдалеке звонков овечьих звон
Повременно сие молчанье нарушают!
Но где твои сыны, о край утех, блуждают?
Увы! отчуждены от родины своей!
Далеко странствуют! Их путь среди степей!
Их бедственный удел — скитаться без покрова!..

Погибель той стране конечная готова,
Где золото множится и вянет цвет людей!
Презренно счастье вельможей и князей!
Их миг один творит и миг уничтожает!
Но счастье поселян с веками возрастает;
Разрушившись, оно разрушится навек!..

Где дни, о Альбион, где сельский человек,
Под сенью твоего могущества почтенный,
Владелец нив своих, в трудах не угнетенный,
Природы гордый сын, взлелеян простотой,
Богатый здоровьем и чистою душой,
Убожества не знал, не льстился благ стяжаньем
И был стократ блажен сокровищей незнаньем?
Дни счастья! Их нет! Корыстною рукой
Оратай отчужден от хижины родной!
Где прежде нив моря, блистая, волновались,
Где рощи и холмы стадами оглашались,
Там ныне хищников владычество одно!
Там все под горами богатств погребено!
Там муками сует безумие страдает!
Там роскошь посреди сокровищ издыхает!
А вы, часы отрад, невинность, тихий сон!
Желанья скромные! надежды без препон!
Златое здоровье, трудов благословенье!

Беспечность! мир души! в заботах наслажденье! —
 Где вы, прелестные? Где ваш цветущий след?
 В какой далекий край направлен ваш полет?
 Ах! с вами сельских благ и доблестей не стало!..

О родина моя, где счастье процветало!
 Прошли, навек прошли твои златые дни!
 Смотрю — лишь пустыри заглохшие одни,
 Лишь дичь безмолвную, лишь тундры обретаю,
 Лишь ветру, в óсоке свистящему, внимаю,
 Скитаюсь по полям — все пусто, все молчит!
 К минувшим ли часам душа моя летит?
 Ищу ли хижины рыбачьей под рекою
 Иль дуба на холме с дерновою скамьею —
 Напрасно! Скрылось все! Пустыня предо мной!
 И воспоминание сменяется тоской!..

Я в свете странник был, певец уединенный! —
 Влача участок бед, Творцом мне уделенный,
 Я сладкою себя надеждой обольщал
 Там кончить мирно век, где жизни дар принял!
 В стране моих отцов, под сенью древ знакомых,
 Исторгшись из толпы заботами гнетомых,
 Свой тусклый пламенник от траты сохранить
 И дни отшествия покоем озлатить!
 О гордость!.. Я мечтал, в сих хижинах забвенных,
 Слыть чудом посреди оратаев смиренных;
 За чарой, у огня, в кругу их толковать
 О том, что в долгий век мог слышать и видеть!
 Так заяц, по полям станицей псов гонимый,
 Измученный бежит опять в лесок родимый!
 Так мнил я, переждав изгнанничества срок,
 Прийти, с остатком дней, в свой отчий уголок!
 О, дни преклонные в тени уединенья!
 Блажен, кто юных лет заботы и волненья
 Венчает в старости беспечной тишиной!..

ВЕЧЕР

ЭЛЕГИЯ

Ручей, виющийся по светлому песку,
Как тихая твоя гармония приятна!
С каким сверканием катишься ты в реку!
Приди, о муза благодатна,

В венке из юных роз, с цевницею золотой;
Склонись задумчиво на пенистые воды,
И, звуки оживив, туманный вечер пой
На лоне дремлющей природы.

Как солнца за горой пленителен закат, —
Когда поля в тени, а рощи отдаленны
И в зеркале воды колеблющийся град
Багряным блеском озаренны;

Когда с холмов золотых стада бегут к реке
И рева гул гремит звучнее над водами;
И, сети склав, рыбак на легком челноке
Плывет у берега меж кустами;

Когда пловцы шумят, сликаясь по стругам,
И веслами струи согласно рассекают;
И, плуги обратив, по глыбистым браздам
С полей оратаи съезжают...

Уж вечер... облаков померкнули края,
Последний луч зари на башнях умирает;
Последняя в реке блестящая струя
С потухшим небом угасает.

Все тихо: рощи спят; в окрестности покой;
Простершись на траве под ивой наклоненной,
Внимаю, как журчит, сливаясь с рекой,
Поток, кустами осененный.

Как слит с прохладой растений фимиам!
Как сладко в тишине у берега струй плесканье!
Как тихо веянье зефира по водам
И гибкой ивы трепетанье!

Чуть слышно над рекой колышется тростник;
Глас петела вдали уснувши будит селы;
В траве коростеля я слышу дикий крик,
В лесу стенанье филомелы...

Но что?.. Какой вдали мелькнул волшебный луч?
Восточных облаков хребты воспламенились;
Осыпан искрами во тьме журчащий ключ;
В реке дубравы отразились.

Луны ущербный блик встает из-за холмов...
О тихое небес задумчивых светило,
Как зыблется твой блеск на сумраке лесов!
Как бледно брег ты озлатило!

Сижу задумавшись; в душе моей мечты;
К протекшим временам лечу воспоминаньем...
О дней моих весна, как быстро скрылась ты,
С твоим блаженством и страданьем!

Где вы, мои друзья, вы, спутники мои?
Ужели никогда не зреть соединенья?
Ужель иссякнули всех радостей струи?
О вы, погибши наслажденья!

О братья! о друзья! где наш священный круг?
Где песни пламенны и музам и свободе?
Где Вакховы пиры при шуме зимних вьюг?
Где клятвы, данные природе,

Хранить с огнем души нетленность братских уз?
И где же вы, друзья?.. Иль всяк своей тропею,

Лишенный спутников, влача сомнений груз,
Разочарованный душою,

Тащиться осужден до бездны гробовой?..
Один — минутный цвет — почил, и непробудно,
И гроб безвременный любовь кропит слезой.
Другой... о небо правосудно!..

А мы... ужель дерзнем друг другу чужды быть?
Ужель красавиц взор, иль почестей исканье,
Иль суетная честь приятным в свете слыть
Загладят в сердце вспоминанье

О радостях души, о счастье юных дней,
И дружбе, и любви, и музам посвященных?
Нет, нет! пусть всяк идет вослед судьбе своей,
Но в сердце любит незабвенных...

Мне рок судил: брести неведомой стезей,
Быть другом мирных сел, любить красы природы,
Дышать под сумраком дубравной тишиной
И, взор склонив на пенны воды,

Творца, друзей, любовь и счастье воспевать.
О песни, чистый плод невинности сердечной!
Блажен, кому дано цевницей оживлять
Часы сей жизни скоротечной!

Кто, в тихий утра час, когда туманный дым
Ложится по полям и хólмы облачает
И солнце, восходя, по рощам голубым
Спокойно блеск свой разливают,

Спешит, восторженный, оставя сельский кров,
В дубраве упредить пернатых пробужденье
И, лиру соглася с свирелью пастухов,
Поет светила возрожденье!

Так, петь есть мой удел... но долго ль?... Как узнать?
 Ах! скоро, может быть, с Минваною унылой
 Придет сюда Альпин в час вечера мечтать
 Над тихой юноши могилой!

1806

ПЕСНЯ

Когда я был любим — в восторгах, в наслажденье,
 Как сон пленительный, вся жизнь моя текла.
 Но я тобой забыт, — где счастья привиденье?
 Ах, счастьем моим любовь твоя была.

Когда я был любим — тобою вдохновенный
 Я пел, моя душа хвалою твоей жила.
 Но я тобой забыт — погиб мой дар мгновенный:
 Ах, гением моим любовь твоя была!

Когда я был любим — дары благодеянья
 В обитель нищеты рука моя несла.
 Но я тобой забыт — нет в сердце состраданья!
 Ах, благостью моей любовь твоя была!

1806

СОВЕСТЬ

Сколь неизбежна власть твоя,
 Гроза преступников, невинных утешитель.
 О совесть! наших дел закон и обвинитель,
 Свидетель и судья!

1807

К ФИЛАРЕТУ

ПОСЛАНИЕ

Где ты, далекий друг? Когда прервем разлуку?
 Когда прострешь ко мне ласкающую руку?

Когда мне встретить твой душе понятный взгляд
И сердцем отвечать на дружбы глас священный?..
Где вы, дни радостей? Придешь ли ты назад,
О время прежнее, о время незабвенно?
Или веселие навеки отцвело
И счастье мое с протекшим протекло?..
Как часто о часах минувших я мечтаю!
Но чаще с сладостью конец воображаю,
Конец всему — души покой,
Конец желаньям, конец воспоминаньям,
Конец борению и с жизнью и с собой...
Ах! время, Филалет, свершиться ожиданиям.
Не знаю... но, мой друг, кончины сладкий час
Моей любимую мечтою становится;
Унылость тихая в душе моей хранится;
Во всем внимаю я знакомый смерти глас.
Совет меня... совет... куда зовет?.. не знаю;
Но я зовущему с волнением внимаю;
Я сердцем сопряжен с сей тайною страной,
Куда нас всех влачит судьба неодолима;
Томящейся душе невидимая зрима —
Повсюду вестники могилы предо мной.
Смотрю ли, как заря с закатом угасает, —
Так, мнится, юноша цветущий исчезает;
Внимаю ли рогам пастушьим за горой,
Иль ветра горного в дубраве трепетанью,
Иль тихому ручья в кустарнике журчанью,
Смотрю ль в туману даль вечернею порой,
К клавиру ль преклонясь, гармонии внимаю —
Во всем печальных дней конец воображаю.
Иль предвещание в унынии моем?
Или судил мне рок в весенни жизни годы,
Сокрывшись в мраке гробовом,
Покинуть и поля, и отческие воды,
И мир, где жизнь моя бесплодно расцвела?..
Скажу ль?.. Мне ужасов могила не являет;
И сердце с горестным желаньем ожидает,

Чтоб промысла рука обратно то взяла,
Чем я безрадостно в сем мире бременился,
Ту жизнь, в которой я столь мало наслаждался,
Которую давно надежда не златит.
К младенчеству ль душа прискорбная летит,
Считаю ль радости минувшего — как мало!
Нет! счастье к бытию меня не приучало;
Мой юношеский цвет без запаха отцвел.
Едва в душе своей для дружбы я созрел —
И что же!.. предо мной увядшего могила;
Душа, не воспылав, свой пламень угасила.
Любовь... но я в любви нашел одну мечту,
Безумца тяжкий сон, тоску без разделенья
И невозвратное надежд уничтоженье.
Иссякшия души наполню ль пустоту?
Какое счастье мне в будущем известно?
Грядущее для нас протекшим лишь прелестно.
Мой друг, о нежный друг, когда нам не дано
В сем мире жить для тех, кем жизнь для нас священна,
Кем добродетель нам и слава драгоценна,
Почто ж, увы! почто судьбой запрещено
За счастье их отдать нам жизнь сию бесплодну?
Почто (дерзну ль спросить?) отъял у нас Творец
Им жертвовать собой свободу превосходну?
С каким бы торжеством я встретил мой конец,
Когда б всех благ земных, всей жизни приношеньем
Я мог — о сладкий сон! — той счастье искупить,
С кем жребий не судил мне жизнь мою делить!..
Когда б стократными и скорбью и мученьем
За каждый миг ее блаженства я платил:
Тогда б, мой друг, я рай в сем мире находил
И дня, как дара, ждал, к страданью пробуждаясь;
Тогда, надеждою отрадною питаюсь,
Что каждый жизни миг погибшия моей
Есть жертва тайная для блага милых дней,
Я б смерти звать не смел, страшился бы могилы.
О незабвенная, друг милый, вечно милый!

Почто, повергнувшись в слезах к твоим ногам,
Почто, лобзая их горящими устами,
От сердца не могу воскликнуть к небесам:
«Все в жертву за нее! вся жизнь моя пред вами!»
Почто и небеса не могут внять мольбам?
О безрассудного напрасное моленье!
Где тот, кому дано святое наслажденье
За милых слезы лить, страдать и погибать?
Ах, если б мы могли в сей области изгнанья
Столь восхитительно презренну жизнь кончать —
Кто б небо оскорбил безумием роптанья!

1808

ЛЮДМИЛА

БАЛЛАДА

«Где ты, милый? Что с тобою?
С чужеземною красою,
Знать, в далекой стороне
Изменил, неверный, мне;
Иль безвременно могила
Светлый взор твой угасила».
Так Людмила, приуныв,
К персям очи преклонив,
На распутии вздыхала.
«Возвратится ль он, — мечтала, —
Из далеких, чуждых стран
С грозной ратию славян?»

Пыль туманит отдаленье;
Светит ратных ополченье;
Топот, ржание коней;
Трубный треск и стук мечей;
Прахом панцири покрыты;
Шлемы лаврами обвиты;

Близко, близко ратных строй;
Мчатся шумною толпой
Жены, чада, обрученны...
«Возвратились незабвенны!..»
А Людмила?.. Ждет-пождет...
«Там дружину он ведет;

Сладкий час — соединенье!..»
Вот проходит ополченье;
Миновался ратных строй...
Где ж, Людмила, твой герой?
Где твоя, Людмила, радость?
Ах! прости, надежда-сладость!
Все погибло: друга нет.
Тихо в терем свой идет,
Томну голову склонила:
«Расступись, моя могила;
Гроб, откройся; полно жить;
Дважды сердцу не любить».

«Что с тобой, моя Людмила? —
Мать со страхом возопила. —
О, спокой тебя Творец!» —
«Милый друг, всему конец;
Что прошло — невозвратно;
Небо к нам неумолимо;
Царь небесный нас забыл...
Мне ль он счастья не сулил?
Где ж обетов исполненье?
Где святое провиденье?
Нет, немилостив Творец;
Все прости; всему конец».

«О Людмила, грех роптанье;
Скорбь — Создателя посланье;
Зла Создатель не творит;
Мертвых стон не воскресит». —

«Ах! родная, миновалось!
Сердце верить отказалось!
Я ль, с надеждой и мольбой,
Пред иконою святой
Не точила слез ручьями?
Нет, бесплодными мольбами
Не призвать минувших дней;
Не цвести душе моей.

Рано жизнью насладилась,
Рано жизнь моя затмилась,
Рано прежних лет краса.
Что взирать на небеса?
Что молить неумолимых?
Возвращу ль невозвратимых?» —
«Царь небес, то скорби глас!
Дочь, вспомни смертный час;
Кратко жизни сей страданье;
Рай — смиренным воздаянье,
Ад — бунтующим сердцам;
Будь послушна небесам».

«Что, родная, муки ада?
Что небесная награда?
С милым вместе — всюду рай;
С милым розно — райский край
Безотрадная обитель.
Нет, забыл меня Спаситель!» —
Так Людмила жизнь кляла,
Так Творца на суд звала...
Вот уж солнце за горами;
Вот усыпала звездами
Ночь спокойный свод небес;
Мрачен дол, и мрачен лес.

Вот и месяц величавый
Встал над тихою дубравой:

То из облака блеснет,
То за облако зайдет;
С гор простерты длинны тени;
И лесов дремучих сени,
И зеркало зыбких вод,
И небес далекий свод
В светлый сумрак облеченны...
Спят пригорки отдаленны,
Бор заснул, долина спит...
Чу!.. полночный час звучит.

Потряслись дубов вершины;
Вот повеял от долины
Перелетный ветерок...
Скачет по полю ездок:
Борзый конь и ржет и пышет.
Вдруг... идут... (Людмила слышит)
На чугунное крыльцо...
Тихобрякнуло кольцо...
Тихим шепотом сказали...
(Все в ней жилки задрожали.)
То знакомый голос был,
То ей милый говорил:

«Спит иль нет моя Людмила?
Помнит друга иль забыла?
Весела иль слезы льет?
Встань, жених тебя зовет». —
«Ты ль? Откуда в час полночи?
Ах! едва прискорбны очи
Не потухнули от слез.
Знать, тронулся царь небес
Бедной девицы тоскою?
Точно ль милый предо мною?
Где же был? Какой судьбой
Ты опять в стране родной?»

«Близ Наревы дом мой тесный.
Только месяц поднебесный
Над долиною взойдет,
Лишь полночный час пробьет —
Мы коней своих седлаем,
Темны кельи покидаем.
Поздно я пустился в путь.
Ты моя; моею будь...
Чу! совы пустынной крики.
Слышишь? Пенье, брачны лики.
Слышишь? Борзый конь заржал.
Едем, едем, час настал».

«Переждем хоть время ночи;
Ветер встал от полуночи;
Хладно в поле, бор шумит;
Месяц тучами закрыт». —
«Ветер буйный перестанет;
Стихнет бор, луна проглянет;
Едем, нам сто верст езды.
Слышишь? Конь грызет бразды,
Бьет копытом с нетерпенья.
Миг нам страшен замедленья;
Краткий, краткий дан мне срок;
Едем, едем, путь далек».

«Ночь давно ли наступила?
Полночь только что пробила.
Слышишь? Колокол гудит». —
«Ветер стихнул; бор молчит;
Месяц в водный ток глядится;
Мигом борзый конь домчится». —
«Где ж, скажи, твой тесный дом?» —
«Там, в Литве, краю чужом:
Хладен, тих, уединенный,
Свежим дерном покровенный;

Саван, крест, и шесть досток.
Едем, едем, путь далек».

Мчатся всадник и Людмила.
Робко дева обхватила
Друга нежною рукой,
Прислонясь к нему главой.
Скоком, летом по долинам,
По буграм и по равнинам;
Пышет конь, земля дрожит;
Брызжут искры от копыт;
Пыль катится вслед клубами;
Скачут мимо них рядами
Рвы, поля, бугры, кусты;
С громом зыблются мосты.

«Светит месяц, дол сребрится;
Мертвый с девицею мчится;
Путь их к келье гробовой.
Страшно ль, девица, со мной?» —
«Что до мертвых? что до гроба?
Мертвых дом земли утроба». —
«Чу! в лесу потрясса лист.
Чу! в глуши раздался свист.
Черный ворон встрепенулся;
Вздогнул конь и отшатнулся;
Вспыхнул в поле огонек».
«Близко ль, милый?» — «Путь далек».

Слышат шорох тихих теней:
В час полуночных видений,
В дыме облака, толпой,
Прах оставя гробовой
С поздним месяца восходом,
Легким, светлым хороводом
В цепь воздушную свились;

Вот за ними понеслись;
Вот поют воздушны лики:
Будто в листьях повилики
Вьется легкий ветерок;
Будто плещет ручеек.

«Светит месяц, дол сребрится;
Мертвый с девицею мчится;
Путь их к келье гробовой.
Страшно ль, девица, со мной?» —
«Что до мертвых? что до гроба?
Мертвых дом земли утроба». —
«Конь, мой конь, бежит песок;
Чую ранний ветерок;
Конь, мой конь, быстрее мчися;
Звезды утренни зажглися,
Месяц в облаке потух.
Конь, мой конь, кричит петух».

«Близко ль, милый?» —
«Вот примчались».
Слышат: сосны зашатались;
Слышат: спал с ворот запор;
Борзый конь стрелой на двор.
Что же, что в очах Людмилы?
Камней ряд, кресты, могилы,
И среди них божий храм.
Конь несется по гробам;
Стены звонкий вторят топот;
И в траве чуть слышный шепот,
Как усопших тихий глас...
Вот денница занялась.

Что же чудится Людмиле?..
К свежей конь примчась могиле
Бух в нее и с седоком.

Вдруг — глухой подземный гром;
Страшно доски затрещали;
Кости в кости застучали;
Пыль взвилася; обруч хлоп;
Тихо, тихо вскрылся гроб...
Что же, что в очах Людмилы?..
Ах, невеста, где твой милый?
Где венчальный твой венец?
Дом твой — гроб; жених — мертвец.

Видит труп оцепенелый;
Прям, недвижим, посинелый,
Длинным саваном обвит.
Страшен милый прежде вид;
Впалы мертвые ланиты;
Мутен взор полуоткрытый;
Руки сложены крестом.
Вдруг привстал... манит перстом...
«Кончен путь: ко мне, Людмила;
Нам постель — темна могила;
Завес — саван гробовой;
Сладко спать в земле сырой».

Что ж Людмила?.. Каменеет,
Меркнут очи, кровь хладеет,
Пала мертвая на прах.
Стон и вопли в облаках;
Визг и скрежет под землею;
Вдруг усопшие толпою
Потянулись из могил;
Тихий, страшный хор завыл:
«Смертных ропот безрассуден;
Царь всевышний правосуден;
Твой услышал стон Творец;
Час твой бил, настал конец».

К НИНЕ

ПОСЛАНИЕ

О Нина, о Нина, сей пламень любви
Ужели с последним дыханьем угаснет?
Душа, отлетая в незнаемый край,
Ужели во прахе то чувство покинет,
Которым равнялась богам на земле?
Ужели в минуту боренья с кончиной —
Когда уж не буду горящей рукой
В слезах упоенья к трепещущей груди,
Восторженный, руку твою прижимать,
Когда прекратятся и сердца волненье,
И пламень ланитный — примета любви,
И тайные страсти во взорах сиянье,
И тихие вздохи, и сладкая скорбь,
И груди безвестным желаньем стесненье —
Ужели, о Нина, всем чувствам конец?
Ужели ни тени земного блаженства
С собою в обитель небес не возьмем?
Ах! с чем же предстанем ко трону Любви?
И то, что питало в нас пламень души,
Что было в сем мире предчувствием неба,
Ужели то бездна могилы пожрет?
Ах! самое небо мне будет изгнаньем,
Когда для бессмертья утрачу любовь;
И в области райской я буду печально
О прежнем, погибшем блаженстве мечтать;
Я с завистью буду — как бедный затворник
Во мраке темницы о нежной семье,
О прежних весельях родительской сени,
Прискорбный, тоскует, на цепи склонясь, —
Смотреть, унывая, на милую землю.
Что в вечности будет заменой любви?
О! первая встречи небесная сладость —

Как тайные, сердца созданья, мечты,
В единый слившись пленительный образ,
Являются смутной весельем душе —
Уныния прелесть, волненье надежды,
И радость и трепет при встрече очей,
Ласкающий голос — души восхищенье,
Могущество тихих, таинственных слов,
Присутствия сладость, томленье разлуки,
Ужель невозвратно вас с жизнью терять?
Ужели, приблизясь к безмолвному гробу,
Где холодный, навеки бесчувственный прах
Горевшего прежде любовью сердца,
Мы будем напрасно и скорбью очей
И прежде всеильным любви призываньем
В бесчувственном прахе любовь оживлять?
Ужель из-за гроба ответа не будет?
Ужель переживший один сохранит
То чувство, которым так сладко делился;
А прежний спутник, кем в мире он жил,
С которым сливался тоской и блаженством,
Исчезнет за гробом, как утренний пар
С лучом, озлатившим его, исчезает,
Развеянный легким зефира крылом?..
О Нина, я внемлю таинственный голос:
Нет смерти, вещает, для нежной любви;
Возлюбленный образ, с душой неразлучный,
И в вечность за нею из мира летит —
Ей спутник до сладкой минуты свиданья.
О Нина, быть может, торжественный час,
Посланник разлуки, уже надо мною;
Ах! скоро, быть может, погаснет мой взор,
К тебе устремляясь с последним блистаньем;
С последнею лаской утихнет мой глас,
И сердце забудет свой сладостный трепет —
Не сетуй и верой себя улаждай,
Что чувства нетленны, что дух мой с тобою;
О сладость! о смертный, блаженнейший час!

СОДЕРЖАНИЕ

В. А. ЖУКОВСКИЙ

Человек	5
Сельское кладбище	8
Милосердие	13
Опустевшая деревня	13
Вечер	17
Песня	20
Совесь	20
К Филарету	20
Людмила	23
К Нине	31
Песня	34
Желание	35
Цветок	36
Жалоба	37
Светлана	38
Рай	46
Теон и Эсхин	47
К Вяземскому	52
Славянка	55
Воспоминание	60
Весеннее чувство	61
Голос с того света	62
Песня	62
Море	63
Лалла Рук	64
«Я музу юную, бывало...»	66
Таинственный посетитель	67
Умиравший лебедь	69
К Гете	69
Могилы	70
Старый рыцарь	71

К. Н. БАТЮШКОВ

Выздоровление	73
Бог	73
Совет друзьям	75
Источник	77
Элизий	78
«Увы, мы носим все дурачества оковы...»	79
К Дашкову	80
Судьба Одиссея	81
Вакханка	82
Мой Гений	83
Таврида	83
К другу	84
Умиравший Тасс	87
В. Л. Пушкину	92
Переход через Рейн, 1814	93
«Изнемогает жизнь в груди моей остылой...»	97
«Есть наслаждение и в дикости лесов...»	97
Д. В. ДАВЫДОВ	
Гусарский пир	99
Мудрость	100
Моя песня	100
К Е. Ф. С-ну, убеждавшему меня написать ему что-нибудь	102
«Жуковский, милый друг! Долг красен платежом...»	102
Элегия I	103

Элегия II	103	П. А. КАТЕНИН	
Элегия III	105	Грусть на корабле.	142
Элегия IV	106	Убийца.	142
Поэтическая женщина	107	Мстислав Мстиславич	147
Гусар	108	Кавказские горы	153
Партизан.	108	«Кто принял в грудь свою	
Бородинское поле	110	язвительные стрелы...»	153
Элегия	110		
Романс.	110		
Н. И. ГНЕДИЧ		П. А. ВЯЗЕМСКИЙ	
К моим стихам	112	Послание к Жуковскому	
Дружба	113	в деревню.	155
Подражание Горацию	114	К моим друзьям Жуковскому,	
Осень	114	Батюшкову и Северину.	157
Дума	116	К партизану-поэту.	159
		Прощание с халатом.	159
		К кораблю.	163
		Первый снег.	164
		Альбом.	167
		Дорожная дума.	168
		Хандра.	169
		Еще тройка	170
		На память	171
		Я пережил.	172
		Любить. Молиться. Петь	173
		«Смерть жатву жизни	
		косит, косит...»	173
		Еще дорожная дума	174
		Зима	176
		Царскосельский сад зимою.	177
		Кладбище	180
		Зимняя прогулка.	181
		«Жизнь наша в старости —	
		изношенный халат...»	183
		А. С. ГРИБОЕДОВ	
		Прости, Отечество!	184
		Давид.	185
		«Там, где вьется Алазань...»	186
		А. Одоевскому	186
Н. И. ГНЕДИЧ			
Солдатская песнь	117		
«Ярославнин голос			
слышится...»	118		
Ночная беседа и мечты	118		
К Пушкину	119		
Партизан Давыдов	120		
Судьба Наполеона	121		
К Богу великому,			
защитнику правды	123		
Молитва души	125		
Блаженство праведного.	126		
Сон русского на чужбине.	128		
Тройка	129		
Море	130		
Вера	131		
Надежда	131		
Любовь.	132		
Жатва	132		
Иов	133		
1812 год	135		
Ангел	139		
В защиту поэта	140		

К. Ф. РЫЛЕЕВ

Любовь к Отчизне..	187
«Я ль буду в роковое время...»	189
Любя свободу, правду, честь...	190
Цикл «Князю	
Е. П. Оболенскому»	190
«Тюрьма мне в честь,	
не в укоризну...»	192

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

Отчизна ..	193
Кофе ..	194
К Пушкину и Дельвигу ..	195
На Рейне ..	196
Пророчество ..	198
К Пушкину ..	200
Участь поэтов ..	202
Вяземскому ..	203
Тень Рылеева ..	204
Памяти Грибоедова ..	205
«Предел безмолвный,	
темный уголок!...»	207
Тени Пушкина ..	209
19 октября 1836 года ..	209
19 октября 1837 года ..	211
Участь русских поэтов ..	212
«До смерти мне грозила	
смерти тьма...»	213
Усталость ..	214
«Вот, слава Богу, я опять	
спокоен...»	215

А. А. ДЕЛЬВИГ

Тихая жизнь ..	217
А. С. Пушкину ..	217
Осенняя картина ..	219
Лекарства от несчастий ..	219
Вдохновение ..	220
Сонет ..	221

Н. М. Языкову ..	221
Элегия ..	222
Н. И. Гнедичу ..	223
Русская песня ..	223
Сон ..	224
Малороссийская песня ..	225
Грусть ..	226
«Смерть, души успокоенье!...»	226

А. С. ПУШКИН

К Чаадаеву ..	228
Жуковскому ..	228
Возрождение ..	229
К Овидию ..	230
«Люблю ваш сумрак	
неизвестный...»	233
Узник ..	234
Демон ..	234
Фонтану Бахчисарайского	
дворца ..	235
К морю ..	236
К *** ..	238
«Храни меня, мой талисман...»	239
«Если жизнь тебя обманет...»	240
Зимний вечер ..	240
Няне ..	241
Пророк ..	241
Зимняя дорога ..	242
Стансы ..	243
«Под небом голубым	
страны своей родной...»	244
«Во глубине сибирских руд...»	245
Ангел ..	245
«Не пой, красавица, при мне...»	246
Воспоминание ..	246
Анчар ..	247
Поэт и толпа ..	248
Кавказ ..	250
«Когда твои молодые лета...»	251

«На холмах Грузии лежит ночная мгла...»	252	На погребение английского генерала сира Джона Мура	273
«О сколько нам открытий чудных...»	252	Разорение Рима и распространение христианства	275
«Я вас любил: любовь еще, быть может...»	252	Новые стансы	276
Зимнее утро	252	Вечерний звон	277
«Брожу ли я вдоль улиц шумных...»	253	Тоска по Родине	278
Бесы	255	Гимн Орфея	279
Элегия	256	Молитва	280
«Что в имени тебе моем?...»	257	В. И. ТУМАНСКИЙ	
«Два чувства дивно близки нам...»	257	Гимн Богу	281
«Когда в объятия мои...»	258	Юной прелестнице	282
«Миг вожделенный настал...»	258	Постоянство	283
«В часы забав иль праздной скуки...»	259	Одесса	283
Поэту	259	Торжество поэта	284
«Не дай мне бог сойти с ума...»	260	Мольба	284
«Пора, мой друг, пора!»	261	Имя милое России	285
Странник	261	Отрады недуга	285
«Я думал, сердце позабыло...»	264	Е. А. БАРАТЫНСКИЙ	
«... Вновь я посетил...»	264	Прощание	287
«Когда за городом, задумчив, я брожу...»	266	Весна	288
Из Пиндемонти	267	Родина	288
«О нет, мне жизнь не надоела...»	267	Истина	290
«Была пора: наш праздник молодой...»	268	Две доли	292
«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»	270	Признание	293
И. И. КОЗЛОВ		«Рука с рукой Веселье, Горе...»	294
К Италии	271	Песня	295
На отъезд	273	«Мой дар убог, и голос мой не громок...»	296
		Смерть	296
		Муза	297
		Мой Элизий	298
		«В дни безграничных увлечений...»	298
		На смерть Гете	299

«К чему невольнику мечтания свободы?...»	300
Князю П. А. Вяземскому	301
«Когда исчезнет омрачене...»	302
«Болящий дух врачует песнопенье...»	303
Последний поэт	303
«Благословен святое возвестивший!...»	306
«Небо Италии, небо Торквата...»	306
Приметы	306
«На что вы, дни! Юдольный мир явленья...»	307
Рифма	308
Мудрецу	309
Скульптор	309
Ахилл	310
На посев леса	311
«Когда, дитя и страсти и сомненья...»	312

А. И. ОДОЕВСКИЙ

«Иль, сбросив бремя светских уз...»	313
Бал	313
«Что мы, о Боже? — В дом небесный...»	314
Воскресенье	315
Мой непробудный сон	315
«Тебя ли не помнить? Пока я дышу...»	316
Умирающий художник	317
Узница Востока	317
Элегия на смерть А. С. Грибоедова...	318
«Как сладок первый день среди полей отчизны...»	320

«Куда несетесь вы, крылатые станицы?...»	320
«Я разлучился с колыбели...»	321

Н. М. ЯЗЫКОВ

К халату	322
Посвящение А. А. Воейковой	323
Муза	324
Родина	324
Элегия	325
Молитва	326
Гений	326
А. С. Пушкину	327
К Вульфу, Тютчеву и Шепелеву	328
К няне А. С. Пушкина	331
Песня	332
Пловец	333
Поэту	333
Стансы	335
Д. В. Давыдову	336
К Рейну	337
Морское купанье	339
Николаю Васильевичу Гоголю ..	340
Элегия	341

А. С. ХОМЯКОВ

Поэт	342
Вдохновение	342
Степи	343
Иностранка	344
«Благодарю тебя! Когда любовью нежной...»	345
Давид	345
Ночь	346
«Широка, необозрима...»	346
«Поле мертвыми костями...»	348

В. Г. ТЕПЛЯКОВ

Отплытие	349
Любовь и Ненависть	352
Одиночество	353

Д. В. ВЕНЕВИТИНОВ

К друзьям	356
«К тебе, о чистый Дух, источник вдохновенья...»	357
Жизнь	357
Италия	358
К Пушкину	358
Жертвоприношение	360
Моя молитва	361
«Люби питомца вдохновенья...»	362
Три участи	362
Поэт и друг	363

С. П. ШЕВЫРЕВ

Сила духа	366
Мой идеал	367
Мысль	368
К Риму	368
Тяжелый поэт	369
Критику	369
Три молнии	370
Мадонна	370
На смерть поэта	371

А. И. ПОДОЛИНСКИЙ

Ответ	373
Безнадежность	373
«Еще твоя рука в руке моей лежит...»	374
Сонет	375
«Отгрянуло в безднах творящее слово...»	375

Літературно-художнє видання

Лірика Золотої доби

Вірші

(російською мовою)

Головний редактор *С. І. Мозгова*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. С. Калмикова*

Підписано до друку 07.07.2020. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion». Ум. друк. арк. 20,16. Наклад 3000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля». Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24, E-mail: cor@bookclub.ua

Віддруковано у АТ «Харківська книжкова фабрика "Глобус"»
61052, м. Харків, вул. Різдяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

Лирика Золотого века

Стихи

Главный редактор *С. И. Мозговая*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *О. С. Калмыкова*

Подписано в печать 07.07.2020. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion». Усл. печ. л. 20,16. Тираж 3000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга». Св. № ДК65 от 26.05.2000.
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24, E-mail: cor@bookclub.ua

Отпечатано в АТ «Харківська книжкова фабрика "Глобус"»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57

e-mail: trade@ksd.ua

Приглашаем к сотрудничеству авторов

e-mail: publish@ksd.ua

Лирика Золотого века : стихи. — Харьков : Книжный Клуб Л62 «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 384 с.

Содерж. авт.: В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, Д. В. Давыдов, Н. И. Гнедич, Ф. Н. Глинка, П. А. Катенин, П. А. Вяземский, А. С. Грибоедов, К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбекер, А. А. Дельвиг, А. С. Пушкин, И. И. Козлов, В. И. Туманский, Е. А. Баратынский, А. И. Одоевский, Н. М. Языков, А. С. Хомяков, В. Г. Тепляков, Д. В. Веневитинов, С. П. Шевырев, А. И. Подолинский

ISBN 978-617-12-8115-8

УДК 821.161.1